

2.2. Утварь

Многие кухонные принадлежности вводились чувашами в обрядовые ситуации. Их основной состав, проанализированный в контексте ритуальной культуры, поможет приоткрыть завесу тайны над необыденностью повседневной жизни наших предков. При этом мы постараемся осветить и семантическую составляющую.

Ковш — *курка* (*алтӑр, кӗреке*). Сырьем для изготовления ковша в древности служила глина, позже получили распространение деревянные, затем металлические ковши. В источниках XVIII–XXI вв. речь идет о деревянных ковшах с ручками. Эпитет *сарӑ* — «желтый» также отражает цвет деревянного изделия. В зависимости от вида и контекста употребления выделяются разные термины для обозначения ковша. Например, *аҫа курка* (букв. «ковш самца») — это не тип сосуда, а обрядовое назначение: во время *юпа* на заре начинают новый круг обхода с кружкой пива от имени умершего мужчины; позже это название стали использовать и по отношению к ковшу от имени умершей женщины. Термин *алтӑр* происходит от глагола *алт* — «рыть, долбить», так как такая посуда готовится из наплыва (капа) на дубе путем выдалбливания нутра. *Алтӑр* вмещает около половины ведра. Деревянные ковши с ручкой, употребляемые во время застолья, называют *кӗреке* (метонимия от *кӗреке* — «юго-восточный, почетный, угол в доме»). Такие ковши были не во всех домах, в деревне их насчитывалось всего две-три штуки. На свадьбы и другие мероприятия их брали напрокат. Во многих случаях понятия *курка* и *алтӑр* размываются. Иногда стакан, входящий в обрядовый контекст, называют ковшом. Ковш является мерой объема пива, иногда воды [Поле 94: 253; РЭМ, ф. 1, оп. 2.435; Лебедев 1850: 230 и др.]. С рисунками упомянутых типов ковшей можно ознакомиться в книге Г.А. Никитина и Т.А. Крюковой [Никитин, Крюкова 1960, рис. 33].

Ковш входит в состав вещей, приготовляемых к определенным ритуалам. Так, готовясь к обрядам *Учук*, «Девичье пиво», *чӱклем* люди прежде всего заботятся о наличии посуды, в том числе и ковша. В осеннем поминальном обряде *кӗр сӑри*, уходя к другим родственникам, в доме на столе оставляют все необходимые продукты, а также приборы для еды (ковш, чашки, ложки) с тем, чтобы духи предков могли поесть и попить в родном доме даже в отсутствии хозяев.

На свадьбе экзогамную группу встречают у ворот с ковшом пива, что является символом миролюбивого расположения. С ковшом пива встречают в доме возвращающихся с похорон людей. Справляются, куда и зачем ходили, те отвечают, что ходили по напрасному делу, за что и получают в руки пиво.

В родовом обряде *чўклемe* вначале старики за столом молятся с ковшом пива в руках, после чего все отливают из него в отдельный сосуд, снова наливают пиво и пьют. При проводе в солдаты поступают аналогично. В обрядах, связанных с поминанием (*мункун, хывни, юпа*), после молитвы немного отливают в пустой ковш, поставленный около двери. Все подобные действия, связанные с отливанием, являются видами отделиения жертвенных даров.

Получить в руки ковш с пивом — знак высокого уважения. В родовых обрядах, уходящих корнями в далекое прошлое, мероприятие начинается с моления стариков, сидящих за столом. Они молятся, держа ковши, полные пива. Если обряд проводится в кругу семьи, то аналогичное моление совершает глава дома. Иногда те же действия от имени хозяина может проводить избранное лицо. После моления за стол садятся и соответственно получают ковши с пивом старики, затем — женщины, после них — молодежь. Как видим, вручение ковша пива выделяет обладателя, указывает на его социальный статус, делает его полноценным участником ритуала.

Ковш, вручаемый от имени хозяина, следует выпить полностью и желательно без остановки. Ковш наливается полный, до краев, в чем просматривается идея богатого урожая. До преподнесения ведущий предупреждает, что это ковш хозяина. Также он добавляет: этот ковш следует выпить за то, чтобы ячмень уродился настолько, что его не смогли увезти лошади; а хмель — настолько, что его не смогли поднять мужики. Семантическая значимость этого ковша вызывает необходимость испития его до дна. В противном случае перед гостем ставится ряд практически невыполнимых условий: на санях с одним полозом привезти сорок один воз дров; из одной кудели соткать срок один аршин холста; за один день выкорчевать дремучий лес и посеять ячмень и т.д. В песне *чўклемe*, в частности, поется:

Если песня моя тебе по нраву,
Выпей до дна ковш в руке.
Если песня моя не по нраву,
Даже не пробуй ковш в руке [ЧГИ 151: 752].

В молениях с ковшом в руке обращаются к божествам. По количеству кружек, выпитых при молении, можно сосчитать количество и ранг божеств. Например: первый ковш — *Турй*, второй — *Пўлѣх*, третий — *Перекет* и т.д. В старину насчитывали 40, 41, 45 таких этапов, иногда перечисляли имена 90 божеств.

Существует ряд обрядовых причин, когда в кружку с пивом опускают монету. Так, в родовой пирушке *ёскё* в финальном этапе дети преподносят гостям пиво. Те, выпив ковш пива, опускают на дно монету и возвращают его. Деньги дети берут себе. Взрослые девушки проводят обряд «Девичье пиво». Заходя в дом, в который их пускают, они угощают хозяев пивом. Те пьют и опускают в ковш монету, кто сколько может. Собранные деньги девушки делят между собой. При сватовстве «сват опускает в ковш отца, у которого он покупает девушку, прежде чем тот выпьет, несколько рублей и выпивает свой ковш за его здоровье. Отец девушки, осушив свой ковш, находит в нем деньги, и если доволен предложенной ценою, то благодарит, и сделка заключена» [Димитриев 1960: 301].

В особых случаях (при болезни, в трудных ситуациях) используется ковш воды, над которым произносят заговор. В него подмешивают соль, дуют три раза и дают пить страдающему или выливают к столбу ворот. Сотворенный в ковше раствор способен обновить «испорченный» организм.

Ковш с водой несет ритуальную нагрузку и в ряде других эпизодов. Так, для обмывания умершего трое идут за водой, неся разную посуду. Один из них, как правило, с ковшом. В *юна* в полночь из речки приносят ведро воды, которую каждый пробует из ковша, за что на дно ковша он опускает монету. Во время клятвенного испытания дают испить ковш воды. Во время *Учук* жертвенного животного обливают водой из ковша, примерно так же льют воду на умершего при обмывании. Однако на похоронах воду в ковш набирают в направлении «от себя», льют на покойника, также направляя кружку в обратную сторону (т.е. не так, как обычно). В честь покойников и духов предков в конце обрядов выливают на улицу ковш воды. Во всех случаях вода выполняет очищающую функцию.

В похоронно-поминальных обрядах, а также во время праздников в честь духов предков на кладбище или в овраге разбивается посуда, в том числе ковш. Здесь семантика действий прозрачна: принадлежащая умершим посуда в разбитом (ущербном) виде предоставляется в их расположение.

В действиях и словах, связанных с ковшом пива, прослеживаются некоторые моменты, характеризующие хозяйственно-культурный тип. Прежде всего ковш часто используется как емкость для пива — традиционного продукта растениеводства у чувашей. Преподнеся пиво, чувашаи высказывают пожелание получить высокий урожай. В обрядовых песнях полевые культуры и ковш пива выступают как смысловые параллелизмы. Так, в «Девичьем пиве» поют:

Как начнет поспевать горох,
Журавль тут как тут.
Как только монета падает на дно,
Ковш переходит к другому [ЧГИ 18, инв. 895: 21].

Факт хранения бочки пива в погребѣ свидетельствует об оседлом образе жизни. Даже трудные задачи, которые нужно выполнить в случае отказа выпить кружку пива, содержат эпизоды из жизни оседлого крестьянина-земледельца: привезти сорок один воз дров, соткать холст, засеять землю ячменем. Хитроумные загадки, задаваемые гостем, пьющим пиво из ковша, также связаны с растениеводством: «Отец прямой, мать кривая, дочь в лохмотьях, сын сердитый» (шесть, стебли, листья и шишки хмеля). При употреблении ковша пива на стол подаются также продукты земледелия и оседлого образа жизни: лепешки, каша, блины, мед и курятина.

В жанровом отношении ковш часто фигурирует в обрядах семейно-родового порядка (*чўклеме*, похороны и поминки, свадьба).

В ряде примеров в описании ковша преобладает художественный вымысел. Отличается в этом плане речь старшего дружки (например, у ковша, которым угощает сват, дно золотое, ручка серебряная).

Котел — *хуран*. В обрядовых целях пользовались теми же котлами, которые имелись в доме. Наиболее часто использовался *сара хуранѣ* — «пивной котел», иначе его еще называли «большой котел». По объему котлы бывали разными: вместимостью от 5 до 20 ведер. Как известно, раньше пиво варили в котлах у оврагов. Содержимое процеживали в большие корыта. Такой способ варки можно было наблюдать в Цивильском и Буинском уездах еще в начале XX в. Поскольку в этих же котлах по праздникам варили мясо, их именовали и *така хуранѣ* — «котлы для бараньего мяса». Совсем маленькие котлы также использовались в обрядах. Например, в них несли горячие угли в ритуале «огораживания» деревни от мора [Поле 94: 261; РАН, ф. 3, оп. 30.4: 54; Gmelin 1751: 46 и др.].

В ритуалах семейно-родового и сельского уровней приготовление жертвенной пищи в котлах — частое явление. Так, на место проведения *Учуж* везут от 6 до 10 и более больших котлов. В ритуале инициирования дождя нужно иметь до трех котлов. В *юна* колется крупное домашнее животное, мясо которого следует сварить за один раз, поэтому надо заправлять большой котел. Котлы несколько меньшей вместимостью используются в таких обрядах, как *чўклеме*, сбор родни в честь новорожденного, *килѣш пѣтти* и т.д.

Жертвоприношения на открытой местности проводятся, как правило, у воды: речки, оврага с водой или пруда. Место действий обязательно должно быть расположено на восточной стороне от воды. Если жертвоприношение проводится в чистом поле, где нет воды, котел устанавливают на горке (холмике). В домашних условиях пользуются установленными в лачуге или во дворе котлами, т.е. обрядовая еда готовится в летней кухне. Котлы у воды устанавливают в подвешенном положении на козлах или вкопанными в землю. На козлы поперек кладут прочную палку, на нее — деревянные крючки, за которые вешают котлы. Котлы на месте еще раз моют изнутри. Установка котлов и заливка воды проводятся с востока на запад. После этого на восточную от котлов площадку подводят животных, выбранных для жертвы. Вымыв мясо и внутренности, их кладут в котлы и разводят огонь. При этом зажигающий огонь обращается к соответствующему божеству с короткой речью. Котлы покрывают деревянными крышками.

Если обряд общесельский, то используется несколько котлов, которые позволяют варить отдельно легкие, печень и сердце, отдельно — конину, телятину, гусей и уток. Сваренное мясо вынимают и кладут на рогожу или скатерти, а в бульон заправляют крупу. Кроме того, по количеству котлов на месте пекут лепешки с «носом» и «пупком». В некоторых обрядах в котел с готовой кашей кладут яйца в скорлупе, которые варятся вместе с кашей. При подаче котла с содержимым тоже соблюдают определенные правила. Так, снимая котел с крючка, следует несколько раз качнуть его в знак демонстрации перед божествами приготовленной для жертвоприношения еды. Котлы с кашей ставят на восточную от места варки сторону, рядом с мясными кучами. Если котел выносят из дома во двор, то его несут впереди других приготовлений. В домашних условиях котел с кашей подают в центре — в середине хлева, пола. На столе справа от котла должны быть лепешки, колобки, *юсман* в чашках. Любопытно поступают с котлом каши в обряде инициирования дождя — котел на доске пускают в воду. Он плавает там до тех пор, пока дети не принесут птенцов воробьев. Затем котел с кашей достают из воды, заменяя его птенчиками. Значение такого действия прозрачно: воде сначала приносят жертву растительного происхождения, затем — живую душу в виде воробьев. Воробьи, в свою очередь, символизируют плодородие в широком смысле.

Когда каша в котле сварится, котел снимают с крючка, на середине каши делают глазок в виде углубления, туда кладут скоромное масло. Если обряд посвящен божеству хлева, то с котлом идут в хлев. Котел ставят на предварительно постеленную чистую солому, а рядом с ним размещают

блюдо с лепешкой. В некоторых обрядах достаточно вынести котел во двор. А в ритуале *чўклем* в сенях устанавливают стол, на который ставят котел с кашей и другие приготовленные продукты. На моление встают один или несколько стариков. К этому времени мужчины обступают котел, а женщины и молодежь размещаются за ними. Все обращаются лицом на восток. В вербальном тексте до адресата доводят, что в качестве жертвы приготовили кашу в котле, высказывают актуальные для семьи, рода и деревни просьбы, благодарят за выращенный урожай и т.д. В конце моления молещик три раза упирается за ушки котла и кланяется. Остальные в это время троекратно повторяют: *Сырлах*, т.е. «Помилуй (довольствуйся, прими)». Поднимая котел с места, его три раза раскачивают, демонстрируя содержимое перед адресатом [ЧГИ 23: 218; 29: 198, 199 и др.].

В зависимости от количества божеств, к которым будут обращаться в обряде, и типа ритуала, котлов с приготовленной жертвенной едой может быть от 1 до 10 и более. Например, ритуал *чўклем* проводят с девятью котлами: 1-й котел — божеству *Турă*, 2-й — *Турă амăшĕ*, 3-й — *Пўлĕх*, 4-й — матери *Пўлĕх*, 5-й — *Хёвел*, 6-й — матери *Хёвел*, 7-й — *Сёр*, 8-й — матери *Сёр*, 9-й — *Сёр хаяр*. После посвящения каждого котла присутствующие совершают земной поклон.

Кашу или мясо из котла раскладывают по чашкам. При этом котел оказывается в центре круга, образуемого участниками. Раздачей пищи занимается только один человек.

В обряде в честь *Хёртсурта* «пупок» и «нос» от лепешки кладут к котлу над очагом, подразумевая, таким образом, метонимическую связь «очаг — котел — Хёртсурт». Таджики, укладывая ребенка в колыбель, мажут его виски и лоб сажей от котла, «прокладывая» связь между очагом и новым членом семьи. Выделяясь из отцовского гнезда, молодая семья берет с собой котел каши, сваренный в родимом доме. Душа, покидая родной дом, в последнюю очередь ищет спасение, схватившись за крючок от котла. Таким образом, прослеживается естественная семантическая параллель между котлом и домашним очагом.

В похоронных обрядах котел используется при хождении за водой для обмывания умершего.

В ритуалах избавления от болезней в котлах готовят жертвенную пищу. Например, божеству *Йёрĕх*, от которого исходит болезнь, варят завариху в котле. Смысл этих действий и текстов заключается в возможности не только сварить в котле что-либо, но и творить новое, свободное от порчи и хвори состояние.

В жанровом отношении котел чаще используется в *Учук*, обряде инициирования дождя и похоронном обряде.

Ведро (ушат) — *випре (ушат)*. Аспекты ритуального назначения ведра составляют суть семантической загрузки содержания обряда [Поле 89: 83; ЧГИ 21: 167; Фукс 1840: 20 и др.].

В ряде обрядов ведро предназначается для ритуальной воды. Ярким примером служит обряд вызывания дождя. Участники (особенно женщины) вначале заходят в воду в одежде, затем каждый льет себе на голову по ведру, потом обливают друг друга. Специально ищут молодых жен, которых силой выводят из домов и окатывают их водой, промочив до нитки. В этот день по улице бегают дети с ведрами и обливают каждого встречного. В данном случае мерой объема вылитого является ведро: после использования одного ведра воды на одного человека цель считается достигнутой. Однако обливания бывают различными. Здесь маркером различий служит количество ведер воды. Если одно ведро воды — это знак вызывания благородного дождя в целях плодородия в широком смысле, то использование сорока одного ведра воды принимает другой смысл. Так, согласно чувашскому обычаю, завязав себе на свадьбе головную повязку *сурпан*, женщина уже не имела права сбросить его. Совершившая такой поступок считалась отступившей от нормы, ее обливали сорока одним ведром воды. В противном случае в этой деревне ожидали неурожай, а женщину считали виновной в бедствии. Аналогичным количеством воды обливали незаконно сожительствующих жен, что служило средством против засухи.

Считается достаточным ведро воды, чтобы облитое жертвенное животное встряхнулось, подавая тем самым признак богоугодности. Воду можно лить из ведра или черпать ковшиком. После того как было использовано ведро воды, а животное не встряхнулось, его отпускают, т.е. бракуют.

Если в обряде под воду используют другую посуду, то ее объем все равно измеряется количеством ведер. Так, согласно речи старшего дружки, у свата на столе шипит самовар вместимостью три ведра. В ритуале от засухи кашу варят в котле, в который вмещается двадцать ведер воды.

Молодая, впервые идущая к роднику за водой, как правило, три раза подряд выливает ведро с водой, только потом черпает сама и идет домой. Эта вода используется для приготовления супа. Существует индивидуальный обряд, обращенный к *Киремтю*, где ведро с водой помещают на середину стола во время жертвенного закалывания барашка. Затем его используют для приготовления обрядовой пищи.

В процессии хождения за водой для обмывания умершего участвуют трое, один из них обязательно с ведром.

Иногда вода, измеряемая количеством ведер, используется для утоления жажды тех, кто находится в ином мире. Так, в *кёр сәри* в конце обряда берут из колодца ведро воды и выплескивают ее на улицу, сопровождая словами: «Пусть будет пред вами». Во время засухи могилы самоубийц и опойцев заливают водой в количестве 40 или 41 ведра. Как видим, ритуальное ведро воды всегда имеет контекстную или смысловую нагрузку.

Ведро воды может представлять собой и емкость для гадания. В *сур-хури* девушки снимают кольца и опускают их в ведро с водой, а сами поют. Содержание прерванной песни указывает на судьбу хозяина вынутого кольца в течение года.

Ведро как емкость служит мерой объема ритуального пива и вина. Эти напитки становятся предметом обсуждения на стоворе до свадьбы: договариваются, какая сторона сколько будет готовить по этому случаю. Объем приготовленного пива и вина также измеряется количеством ведер. Так, на *юпа* готовят примерно 20 ведер пива и покупают от половины до трех ведер вина. На родовом пире может быть использовано 35 ведер пива и 2 ведра вина. Когда варят пиво на общественное мероприятие, то барду раздают участникам: кому достанется полное ведро, кому — по полведра. Пиво и вино в качестве гостинца или жертвенного дара доставляется на место в ведрах. Ведро пива берут с собой на стовор, при поездке за невестой, во время визита родителей молодой к родителям молодого. На больших поминках родственники приносят с собой по ведру пива. На таких обрядах, как *юпа* и *мункун*, для проводов духов предков на улицу выносят пиво в ведре. Ведром пива встречают экзогамную группу другой половины свадьбы. Ритуал начинается после подачи на стол пива в ведре. Получая из рук ведущего кружку пива, участники опускают в нее монету. Выпив пива, кружку с монетой возвращают, а ведущий черпает новую кружку, опуская монету из кружки в ведро. Каждый отдавший монету после такой процедуры получает право плясать. Собранные деньги отдают музыканту за труды [ЧГИ 21: 527, 531; Чулков 1786: 14 и др.].

Каждое поданное на стол новое ведро с пивом означает переход к следующему этапу ритуала. Из погребка пиво выносят тоже в ведре.

Ведро в ритуалах служит для сбора продуктов, необходимых для приготовления обрядовой пищи. Так, в ритуале вызывания дождя дети ходят из дома в дом и получают в ведра яйца, молоко, масло, соль, муку. Аналогично поступает глава свадьбы: заходя в очередной дом, он набирает в свою суму или ведро хлеба, палишек и сыра.

В обрядах фигурирует ведро и без содержимого, т.е. пустое. В таких ритуалах, как *чүклем*, *мункун* и *кёр сәри*, всегда для отделения жерт-

венных кусочков и напитка рядом со столом или на конник ставят пустое ведро. Если во время выезда свадебного поезда кто-либо пройдет за водой с пустым ведром, то не будет у молодых жизни в согласии. Пустое ведро и другая утварь бросаются на могилку в *юна*. Пойманного вора водят по улице с ведром на шее, в которое он должен бить, как в барабан, и издавать шум [ЧГИ 31: 64; 160: 270а; 173: 256 и др.]. Как видим, пустое ведро имеет отрицательную семантику (знак «минус») по отношению к норме и составляет отрицательный полюс в оппозиции «живой–мертвый», «хорошо–плохо», «этот–тот».

В жанровом отношении ведро часто встречается на свадьбе, в похоронно-поминальных обрядах и ритуале вызывания дождя.

Ложка — *кашйак* (*калак*) — выступает в качестве атрибута во многих видах молений. Так, в ритуале *чўклеме* оформление жертвенных даров принимает комплексный вид. Кашу кладут в чашку, в середине делают лунку-глазок для масла, вокруг втыкают ложки, сверху кладут непочатый каравай, а на него — соль в солонке. Затем приносят пиво и встают на моление, чуть приоткрыв дверь. Чашку с кашей, ложкой и другими составными при этом молещик держит на руках. Аналогично поступают в *мункун*. По нашему мнению, моление с таким комплексом жертвенных даров по оформлению напоминает творение солнца: чашка с кашей, в середине масло желтого цвета, вокруг воткнуты деревянные ложки желто-золотистого цвета, символизирующие разбегающиеся лучи светила, сверху — хлеб из урожая золотистого цвета и по середине — соль. Такое же сотворение солнца наблюдается при молении *киреметю*. Сначала берут чашку с кашей, кладут с краю одну ложку, затем молятся, обращаясь к самому старшему *Киреметю*; потом втыкают с другого края еще одну ложку и молятся *Киреметю* помладше (так до самого младшего *Киреметя*). Сверху кашу с ложками покрывают лепешкой. На моление встают, держа чашку со всем содержимым. Весь смысл такого солнцетворения и демонстрации дара перед адресатом есть не что иное, как возвращение к первогармонии [ЧГИ 21: 164; 33: 860; 145: 461 и др.]. Заметим: во время вербального обращения взгляд молещика устремляется вверх. Покрывание сосуда с содержимым даром лепешкой или караваем напоминает форму моления в «Ригведе».

В обрядах ложка с пищей, отделенной от общего котла божествам, представляет собой жертвенный дар. Это действие, сопровождаемое соответствующим словесным текстом, проводится до начала еды. Так, приступая к вспашке, «берут маленькую горбушку от початого каравая, кладут на эту горбушку ложку каши с маслом и зарывают в землю под железом сохи» [ЧГИ 174: 265].

Прежде чем сесть за стол обедать, хозяин дает ложку пищи боже-
ству *Хёртсурту* [ЧГИ 177: 512]. Божеству *Хёртсурту* предоставляется
отдельная чашка каши с воткнутыми туда ложками. Количество ложек
равно количеству членов семьи плюс одна ложка для *Хёртсурта*, что
является образцом совместной еды с божеествами. Лошадь в хозяйстве
чуваша-земледельца играла важную роль. Поэтому нет ничего зазор-
ного в том, что первую ложку еды пахарь отдает своей лошади. Таким
образом совершается совместная еда. Символ совместной еды ярко про-
является в специальной сцене, посвященной поднесению ложки супа
молодым, находящимся под одним покрывалом на свадьбе [ЧГИ 21: 7;
31: 913 и др.]. В этом случае еда из одной ложки или из одной чашки
несколькими ложками одновременно символизирует совместную еду,
устанавливает схему родства на определенном уровне.

Получение ложки из рук хозяина предоставляет право на совместную
еду в частности и еду вообще. На свадьбе получение ложки разыгрыва-
ется в специальной сцене. Утром после брачной ночи молодая впервые
варит суп в доме свекра. По этому случаю собираются родственники.
Их сажают за стол, но ложек им не дают, поэтому каждый кладет на
стол деньги, за что получает ложку. В *кёр сари*, когда домой на угоще-
ние являются духи предков, двери в избу не запирают, столы оставляют
накрытыми, если даже сами хозяева дома отсутствуют. На столе обяза-
тельно должны быть ложки. В противном случае духи родственников
лишатся возможности поесть в родном доме.

Ложка необходима в повседневной жизни. Этот факт получает соот-
ветствующее отражение и в обрядовой ситуации. Как известно, ложка
входит в перечень инвентаря, сопровождающего умершего, — ее кла-
дут в гроб. Кроме того, в *юна* на могиле разбивают утварь (в том числе
и ложку), необходимую на том свете, ибо ушедший в мир иной ведет
такой же образ жизни, как живые. *Киремет* тоже нуждается в ложке.
Ему оставляют ложку в кузовке, подвешенном на дереве [РГИА, ф. 796,
оп. 141.529: 2 об.; ЧГИ 21: 526; Миллер 1791: 78 и др.].

Ложка как персональный прибор выступает в ряде обрядов. Так,
в ритуалах *Учук* и вызывания дождя каждый на место приносит свою
ложку. Иногда от семьи приходит один человек, соответственно, каждая
ложка на *Учуке* представляет отдельный дом. Так же в *сурхури* в дом,
где готовится ритуальная пища, каждый приносит с собой по одному
полену и одной ложке. Правила свадьбы требуют, чтобы, прощаясь с от-
цовским домом, невеста кормила *Хёртсурт* кашей. В противном случае
в новом доме *Хёртсурт* с ней не будет приветливой, а за столом ей не
подадут ложку [Поле 90: 150; ЧГИ 24: 35; 72: 85 и др.].

Как видим, ложка чаще всего фигурирует в обрядах, обращенных к божеству *Хёртсурт*, похоронно-поминальных обрядах (например, в *юна*) и в *Учук*.

Бочка — *ничёке* — в ритуалах в основном используется для хранения пива. В зависимости от вместительности бочки бывают от 2–3 до 40 ведер. Их используют в зависимости от вида ритуала. Бочка пива входит в состав обговариваемых к предстоящему обряду приготовлений. Пиво в бочке должно быть приготовлено к началу обрядовых действий. Бочка (или бочки) с ритуальным пивом должна быть полной. В процессе приготовления такое пиво не пробуют, в том числе и во время брожения, и во время процеживания. Участники, готовясь к ритуалу, где обязательно будет полная бочка пива, сообщают близким, что идут на бочку пива (букв. — «сваливать бочку», т.е. выпивать до дна) [ЧГИ 18, инв. 895: 2; 21: 3; Чулков 1786: 14 и др.]. Приготовленная к ритуалу бочка пива хранится в погребе или подполе [ЧГИ 29: 13, 365; 146: 49 и др.]. Данный факт, конечно, является важным признаком оседлой жизни чувашей и древности, так как ритуалы с пивом очень архаичны. Если обряд проводится вне дома (*Учук*, «Народное пиво», *чимёк*), то бочка на место доставляется на повозке [ЧГИ 184: 378; 207: 237, 372 и др.].

В ритуале открывание бочки становится главным событием. Оно обставлено торжественными действиями: открывание запечатанной пробки, разливание в ведра, принесение в дом, установление ведра на стол, раздача кружек с пивом участникам, моление. До сбора всех участников новая бочка не открывается, ждут других, пиво пьют из другой открытой емкости. Фактически с початия бочки начинается ритуал. И до и после открывания сама бочка в дом не заносится, пиво из нее отливается в чиряс или ведро и ставится на стол. На моление с полными кружками встают старики. Они обращены лицом к приоткрытой двери. Слова молитвы возносятся к *Турă*. Ему сообщают, что на моление встали с большим караваем, большим котлом каши, только что початой большой бочкой пива. Все это приготовлено из зерна нового урожая. Они благодарят *Турă* за выращенный хлеб от имени семьи, очага и детей. Затем также молятся матери *Турă*, божеству *Пулӑх* и матери *Пулӑх*. Далее в тексте моления следуют общие просьбы земледельца, где фактически перечисляются составляющие технологии хлебопашества. Моление заканчивается поклонением и выпиванием стариками полных кружек пива. Потом все приступают к еде. Как показывает содержание обрядов, початие новой бочки призвано служить обновлению жизненного цикла переходного типа. Так, в *юна* в конце ритуала открывают новую бочку в честь *Турă*. Этот факт, конечно, указывает на завершение траура и начало нового

этапа в жизни. При проводах солдата из дома открывают бочку пива и преподносят кружку пива рекруту с пожеланием вернуться и допить начатую бочку. Данная бочка с пивом хранится до возвращения солдата. За этот период пиво время от времени обновляется, по поводу чего собирают родственников. Когда пьют, открывают дверь и приглашают далеко находящегося солдата на пиво [ЧГИ 21: 165; 24: 574, 575 и др.]. Как видим, открытие новой бочки символизирует благосостояние, здоровье, поддержание гармонии, восстановление расшатанной силы, уничтожение хаоса. Початие — это обновление, возвращение к первопорядку.

В ритуалах с бочкой пива данная утварь всегда находится в центре событий. В речи старшего дружки ей уделяется специальный поэтический пассаж, восхваляющий бочку с пивом, хранящуюся в погребе или подполе свата. У этой бочки оказывается 12 (или 40, 77) обручей, она — с двумя пробками с двух сторон. В обряде «Девичье пиво» участники следуют от дома к дому за бочкой пива на телеге: куда заезжает эта телега, туда заходят и девушки [ЧГИ 18, инв. 895: 4, 5; 23: 123 и др.].

Открытие новой бочки означает переход к следующему этапу ритуала. Поэтому в зависимости от действий, производимых с бочкой, можно проследить ход ритуала.

В жанровом отношении бочка чаще всего фигурирует в свадебных обрядах. Присутствует она также в родовых обрядах *чўклеме* и *мункун*. Как видим, бочка является объектом прежде всего семейно-родовых ритуалов, реже она встречается в обрядах сельского порядка, вообще отсутствует в индивидуальных обрядах.

Нож — *çёçё*. Согласно народному объяснению, надвигающимся вихрем управляет дух *Çавра çил*. Налетев на человека, он может искалечить, измять, унести его. Верный обрядовый жест — кинуть в него нож, после чего он или теряет силу, или меняет направление. Аналогичную защитную функцию нож выполняет в обрядах детского цикла. На место, куда положат испукавшего новорожденного, кладут нож (= ветку можжевельника или ножницы). Злой дух, подбирающийся к ребенку, натывается на нож и уходит. В обрядах «Допекание в печке» в корыто с ребенком кладут нож. Таджики кладут нож в изголовье роженицы. Когда мать уходит из дома, в зыбку к ребенку кладут какую-нибудь железную вещь: нож, ножницы, гвоздь и т.д. Таким образом родители предохраняют ребенка от злой силы, которая может похитить или поменять младенца. Защитная функция ножа наиболее наглядно проявляется при укладывании покойника в гроб: он вкладывается ему в руку. Во время хождения за водой в одной руке несут ковш, а в другой — держат нож [Поле 89: 104, 128; 90: 153 и др.]. Таким образом, нож, будучи острым

предметом и сделан из железа, используется в обрядовых ситуациях достаточно часто.

Те же свойства ножа играют важную роль в ритуалах от болезней. Так, с целью отвращения отрицательного воздействия со стороны божества *Ѕёр тавраиш* больного выводят на перекресток дорог и по ножу через воротник на него льют соленую воду. Также льют воду на то место, которое человек ушиб. Прежде чем начинать искать духа *Вунёр*, следует перекрестить все щели и отверстия, а в дверь воткнуть нож. От духа *Анишарт* лечатся так: на кончик ножа втыкают кусочек хлеба, слегка опаляют его на огне и кружат вокруг головы больного. После этот кусочек выбрасывают на улицу. Значение такого действия раскрывается в другом обряде, совершаемом для избавления от чирьев. Здесь в вербальном тексте есть такие слова: «Караул, караул! Железную ограду горожу, чирьев уничтожаю, чем на Иване появиться, появитесь на железной сковороде. Караул! Вора поймал». Ножом также помешивают приготовляемый к обряду раствор, избавляя жидкость от возможных нежелательных свойств [Поле 90: 190; ЧГИ 151: 340; 168: 371 и др.].

Как видим, нож часто выполняет защитную функцию в обрядах от болезней, в противостоянии духу *Ѕавра сил*, а также в колыбельных обрядах.

Сковорода — *сатма* (*тупа* < персид. *това*). В *мункун* (в дни, посвященные духам предков) три первых блина выбрасывают к воротам. Так же поступают перед выносом тела умершего из дома: только что испеченные первые три блина на сковороде «кружат» вокруг покойника и выбрасывают на улицу [ЧГИ 160: 34; 209: 334, 341 и др.]. Перед выносом покойника также достаточно пустить запах каленой сковороды, т.е. сделать вид, что пекут блины. Цель этих действий — дать знать о времени выноса.

Сковорода и сковородник как железные предметы используются в обрядах очищения. Так, во время «Девичьей пахоты» помимо всего люди в руках несут сковородник. Им же пользуются с целью отпугивания *Вунэра*, пытающегося «проглотить» луну или солнце. Символична послесвадебная сцена: свекровь рано будит молодую и зовет к печке, дает ей в руки сковородник. Таким образом, происходит передача «печных» забот (шире — функций хозяйки) от женщины к женщине. Сковорода долговечна и плохо поддается порче. Это свойство учитывается при отсылке разных болезней от человека к неодушевленному предмету, т.е. ставится практически неисполнимое условие. В молитвословиях (например, от укуса змеи, чирьев) болезнь отсылают на сковороду: «Когда горячую сковороду ужалит змей и сковорода опухнет, пусть лишь тог-

да у этого человека опухнет». Скворода используется при плавлении олова для получения форм искомого образа во время гаданий в *сурхури* [Поле 89: 126; ЧГИ 33: 99; 72: 88 и др.].

Кувшин — *ка́кшайм* (*чайм*) — емкость для хранения и переноски жидкостей и горячих предметов ритуального назначения [МАЭ, отд. Европы, колл. 1040.14; ЧГИ 21: 527; Ашмарин 1935а: 179 и др.].

Слово *ка́кшайм*, должно быть, пришло из русского языка. *Чайм* (жбан, кувшин с крышкой) — персидского происхождения (*хом* — «большой глиняный кувшин»). М. Рясянен русское *чум* в значении «черпак, ковш» предполагал как заимствование из чувашского языка (см.: [Фасмер 1973: 381]).

В текстах кувшин в основном используется для приготовления, хранения и переноски ритуального пива. Так, в *юна* для приглашения умершего родственника на свои поминки на кладбище отправляются пять человек, которые берут с собой кувшин пива. Там они совершают возлияние пива на холмик могилы. В *мункун* на улицу к месту сжигания старых лаптей каждый приносит по кувшину пива и угощает друг друга. Во время этих обрядов готовят особенно крепкое пиво (например, медовое).

Кувшин для воды также имеет сакральное назначение. Так, божество *Ийе*, обитающее в бане, представлялось с кувшином и веником в руках [МАЭ, отд. Европы, колл. 1040–14]. В *юна* на кладбище моют руки, для этого используют воду из кувшина, вытираются *сурпаном*.

В общесельском ритуале добывания нового огня горячие угли от костра, зажженного вновь добытым огнем, кладут в кувшины или горшки, а дома каждый на этих углях зажигает потушенный очаг.

Во время мора скота в хлеву вешали кувшин с молоком. Мор мог прийти в хлев, напитокся молока и уйти. Таким образом, семья могла спастись от беды.

Горшок — *чу́лмек*. Как по содержанию, так и по форме служит знаковым выражением женской натуры. В ритуалах он выступает прежде всего в качестве емкости под что-либо. Так, в обряде прохождения в земляные ворота участники в конце забирают горячий уголь домой в горшках. Конечно, горшок может служить сосудом для приготовления пива в горшках, например готовясь к обряду «Девичье пиво», при переходе в новый дом, в родовой пирушке *ёскеё*. Отправляясь на родовой пир, в нем несли бульон для поливания каши. Горшок служит посудой для отделения жертвенного пива [ЧГИ 18, инв. 895: 2; 173: 18, 36 и др.].

На чувашской свадьбе невесте, сохранившей девственность, утром после брачной ночи вручают целый горшок, не сохранившей — разбитый. Этот мотив обыгрывается многими народами в разных вариантах.

Горшок встречается в различных действиях, трудно определить наиболее частое его использование в определенных ритуалах.

2.3. Упряжь

Средства для запрягания лошади и другого тяглового скота в религиозно-обрядовом контексте чаще всего имеют иррациональный смысл. Знание этого аспекта должно помочь лучшему освоению культурного наследия народа. Рассмотрим основные части упряжи.

Нагайка (кнут) — *саламат* (*нухайкка, чййркка, пушй*). Более всего ритуальное значение нагайки проявляется в свадебных эпизодах. Специальная плетель для использования на свадьбах имела не в каждом доме. Иногда она была одна на всю деревню. Так, еще в конце XIX в. в д. Юрмекейкино Ядринского у. один человек имел ременную плетель в два пальца толщины и две четверти длины плетель. Ее женихи брали напрокат за плату [Поле 90: 180; РАН, ф. 95, оп. 4.5: 41 об.; Аноров 1838: 197 и др.].

В таких общесельских обрядах, как «Девичья пахота» и *сёрен*, нагайка используется в качестве одного из основных атрибутов. В *сёрен* молодежь входит в дома с нагайками в руках и ударяет членов семьи. С целью избавления деревни от частых смертей и падежа скота девушки проводят опахивание сохой вокруг деревни. Для этого они снимают пояса, распускают волосы, на них бывают белые нижние платья, а в руках — нагайки, которой они ударяют каждого встречного. Иногда эту функцию выполняет пастух. Он идет по деревне и хлещет по воздуху своим длинным кнутом, при этом говорит: «Иди в другую деревню, у нас здесь лишних людей нет». В конце он выходит из деревни и идет по направлению к кладбищу. На свадьбу жених подушку, положенную для него, сначала три раза ударяет нагайкой и лишь затем садится. Другие главные персонажи мужской свадьбы также имеют бичи. При входе в дом они ударяют ими ворота и двери в обе стороны. Молодой «одаривает» нагайкой свою жену, когда ее выводят из дома родителей, а также на окраине деревни свата. Делается это для того, чтобы к нему и невесте не пристал злой дух, чтобы ничего чужого не было в их супружеской жизни. Эту же цель преследуют использование подушки, трехкратный перекрестный удар, пребывание жениха в рукавицах и шапке [Поле 90: 180; ЧГИ 1: 137; 21: 543 и др.]. Это типичное явление. В пользу того, что удар плеткой наносится именно с целью очищения, говорят и слова, произносимые при этом: «Избавь от всякого зла». Как известно, жених на свадьбе бывает весьма пассивным, а за него действует и говорит